

БОРИС ИСААКОВИЧ ЯРХО И СТРАТЕГИЯ «ТОЧНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ»

М.В. Акимова, М.И. Шапир

Марина Вячеславовна Акимова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой культуры Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Руководитель проекта 02-06-99518.

Максим Ильич Шапир, доктор филологических наук, главный редактор журнала «Philologica», ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН.

«Быстрыми и верными шагами приближаемся мы к тому времени, когда людей, получивших классическое образование, станут показывать на ярмарках, как ацтеков» [1, с.12]. Этими словами Б.И. Ярхо начал предисловие к русскому переводу «Сатирикона». Он знал, о чем говорил, ибо сам чувствовал, как превращается в некое «культурное ископаемое».

И не удивительно. Ведь он был филолог-энциклопедист, а это в XX веке — диковина не для одной Советской России. Круг интересов ученого был исключительно широк. В самом деле, Ярхо не только античник; он крупнейший медиевист, плодотворно изучавший романскую, германскую и славянскую средневековую словесность, в том числе древнерусскую. К тому же, наряду с древней и средней, Ярхо много занимался новой европейской литературой, а также современным русским, славянским и немецким фольклором. Но главное, Ярхо был глубоким и оригинальным теоретиком, сумевшим значительно продвинуть методологию литературоведения, историческую поэтику, стилистику и стиховедение.

Специфичной для Советской России была не маргинальность филологического энциклопедизма, а отношение к нему властей: беда не в том, что Ярхо ощущал себя кем-то вроде «ацтека», а в том, что этого «ацтека» не хотели никому «показывать». В октябре 1939 г., вернувшись из омской ссылки, Ярхо обратился в Наркомпрос с просьбой предоставить ему работу по специальности: «Охотнее всего, — писал он, — я принял бы участие в работах какого-нибудь Научно-исследовательского института, где я мог бы вести занятия:

1. По литературе средних веков:

а) по среднелатинской*, старофранцузской, провансальской, древне-<-> и средне-немецкой, англо-саксонской и старо-скандинавской литературам;

* К этому месту в письме сделано дополнение: «После кончины пр<оф>. О.А. Добиаш-Рождественской, я являюсь единственным в Союзе специалистом по латинской поэзии средних веков, а в Москве — единственным специалистом по средневековой литературе вообще, обладающим самостоятельными исследованиями в этой области» (РГАЛИ. Ф.2186. Оп.1. Ед. хр.244. Л.1).

б) по средневековой эпической, драматической и лирической поэзии.

2. По стилистике (общей и русской).

3. По метрике (особенно по теории русского стиха).

4. По поэтике.

5. По русскому фольклору.

6. По славянскому фольклору (особенно сербскому).

7. По сербскому языку и литературе (особенно по дубровницкой поэзии).

8. По истории и теории драмы. Кроме того, я перевожу приблизительно с 20 (новых и старых) славянских, германских и романских языков.

Как сказано, меня больше всего привлекает научно-исследовательская деятельность, но, конечно, я не откажусь ни от какой другой работы, соответствующей моей специальности и квалификации*. Однако это письмо, равно как и заявление в Отдел печати при ЦК ВКП(б) от 8 июня 1938 г.**, не возымело желаемого результата: Ярхо ответили, что работы по его специальности «не имеется».

Когда уже умер Сталин, в апреле 1953 г., через несколько дней после того, как были освобождены все арестованные по «делу врачей», а «Правда» сообщила, что «честный общественный деятель» Михоэлс «был оклеветан»***, родной брат Ярхо, Григорий Исаакович, просил В.В. Виноградова, тогда академика-секретаря Отделения литературы и языка АН СССР, разрешить публикацию хотя бы некоторых фундаментальных трудов ученого. Г.И. Ярхо предложил Виноградову на выбор двенадцать рукописей, среди которых были перевод «Песни о моем Сиде», сопровождавшийся обширным филологическим исследованием, статьи «Староиспанский эпический стих» и «Так называемые трохаические тетраметры в каролингских ритмах», антология поэзии Каролингского возрождения и антология средневековых латинских видений (обе с обстоятельными комментариями), диссертация на немецком языке о рифмованной прозе драм Хротсвиты Гандерсгеймской («Die Reimprosa der Hrotsvitadramen») и фундаментальная монография «Методология точного литературоведения». Все было полностью отвергнуто, и ничто из перечисленного не опубликовано до сих пор****.

* Там же. Л.1–1 об.

** См.: Там же. Ед. хр.266.

*** Правда. 1953. 6 апр.

**** Перевод «Песни о моем Сиде» для издания 1959 г. был значительно переработан Ю.Б. Корнеевыми, А.А. Смирновым [2].

Примечательно, что две представленные работы — о распределении речи в пятиактной трагедии [3] и о рифмованной прозе русских интермедий и интерлюдий [4] — Виноградов, умывая руки, передал на отзыв М.П. Штокмару, старшему научному сотруднику ИМЛИ АН СССР, а в прошлом аспиранту Ярхо.

«Оберегая память покойного исследователя», бывший ученик дал сугубо отрицательное заключение: он рекомендовал «воздержаться» от опубликования работ Ярхо, которые, по мнению рецензента, «более похожи на бухгалтерский отчет, чем на исследование о литературе» [5, с.286, 287]. В обоснование своей позиции Штокмар указал на два недостатка научного метода Ярхо: для исследователя это работы крайне трудоемкие, а для читателя — плохо воспринимаемые. Но вышло так, что рядовое суждение о сложности метода, не раз высказывавшееся при жизни самим его родоначальником, под пером Штокмара превратилось в приговор всему научному наследию Ярхо. Время для издания его трудов, наиболее благоприятное с точки зрения возможного резонанса, оказалось во многом упущено. Малочисленные публикации, тяжело пробивавшие себе дорогу в печать с конца 1960-х годов, уже не могли кардинальным образом повлиять на ситуацию: увлечение точными методами в филологии все больше становилось достоянием прошлого.

* * *

Борис Исаакович Ярхо родился 14 (26) марта 1889 г. в Москве в семье известного врача. В детстве, вместе с родителями и братом Григорием, будущим переводчиком классической французской литературы, он много путешествовал по Европе — впервые Ярхо оказался за границей в возрасте пяти лет. В 1907 г. он окончил Первую московскую гимназию, в 1912-м — историко-филологический факультет Московского университета (с дипломом I степени). Продолжил обучение в Гейдельбергском и Берлинском университетах. Самостоятельной научной работой Ярхо стал заниматься еще со студенческой скамьи: уже в 1910 г. он опубликовал свою первую статью [6]. Другое исследование, подготовленное в годы студенчества, но опубликованное позже, — «Царлун Риеу, поэт-крестьянин» [7]. Это педантичное описание творчества одного провансальского земледельца, сочинявшего на нижнеронском диалекте (Ярхо лично познакомился с поэтом в Провансе летом 1909 г.).

Наиболее заметное из ранних исследований Ярхо — это «Сказание о Сигурде Фафнисбани и его отражение в русском эпосе (Опыт по динамике цикла Сигурда)» [8]. Название работы, композиция, манера изложения, не жертвующего мельчайшими подробностями средневековой эпики, выдадут ученика школы академика А.Н. Веселовского. После выхода исследования в свет Ярхо сдал магистерские экзамены. Он служил сначала приват-доцентом (1915—1918), а затем профессором (1918—1922) Московского университета. Вот лишь некоторые лекцион-

ные темы Ярхо: «Древневерхненемецкий язык», «Латинская средневековая литература», «Немецкая средневековая литература», «Нечистая сила в немецкой литературе до 1487 г.», «Староскандинавская поэзия», «Поэзия скальдов», «Песни Эдды», «Сказания о Роланде, о Сиде и об Илье Муромце в средние века», «Французский комический театр», «Сербский эпос». Материал для лекций Ярхо часто привозил из-за границы: в 1910—1913 и 1920—1921 гг. ученый работал в библиотеках Франции, Германии, Австрии, Польши, Югославии, Чехословакии. Многие его тогдашние занятия вылились в статьи, монографии и сборники переводов, но опубликована была только малая часть [9], [10], [11], [12, с.3—7, 32—39], [13, с.13—20] (ср. [14, с.333—343], [15, с.21—55]). О некоторых научных результатах Ярхо рассказывал на заседаниях Московского лингвистического кружка, членом которого стал зимой 1918/1919 гг. и в работе которого принимал деятельное участие почти до самого его запрещения в 1924 г. [16, с.79—80, 160, примеч.56, с.206].

В начале 1920-х годов новые веяния коснулись Московского университета. Ранней весной 1921 г. историко-филологический факультет был фактически уничтожен: в реорганизованном виде он вошел в состав факультета общественных наук. Бывший ректор, профессор М.М. Новиков, в августе 1922 г. был отстранен от работы в МГУ и выслан в Германию. В том же году Ярхо уволился из университета и в октябре поступил на работу в Российскую академию художественных наук (РАХН, позднее ГАХН). Вплоть до ликвидации академии в ноябре 1930 г. он заведовал комиссией техники художественного перевода, а потом еще кабинетом теоретической поэтики и подсекцией всеобщей литературы, состоя, помимо того, в фольклорной и театральной секциях. Ученый редко пропускал заседания и сделал за время работы в ГАХН свыше 20 докладов, из которых ни один даже частично не повторял другого. Одновременно (в 1923—1928 гг.) Ярхо был действительным членом Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). В 1926 г. он был избран действительным членом Американской академии средних веков (*Mediaeval Academy of America*, Cambridge, Mass.), о чем напоминают публикации Ярхо в печатном органе академии [17], [18]. Именно в 1920-е годы Ярхо заложил теоретические основы «точного литературоведения», принципы которого последовательно отстаивал в полемике с идеологическими и научными противниками. Одним из главных его оппонентов в это время был Г.Г. Шпет, известный философ феноменологического направления и вице-президент ГАХН. Яркой страницей в истории академии стали их параллельные выступления на одну и ту же тему — «О границах научного литературоведения». В интереснейшей дискуссии, растянувшейся на четыре заседания (24 и 31 октября, 24 ноября и 1 декабря 1924 г.), приняли участие многие видные филологи и философы*.

* Статья Ярхо «Границы научного литературоведения» напечатана в журнале «Искусство» [19] (ср. также [20]). Одноименная книга Шпета несколько лет стояла в плане изданий ГАХН.

Методологически очень важным был также другой программный доклад Ярхо — «Несколько статистических приемов литературного синтеза» (ГАХН, 3 марта 1928 г.).

Когда Государственную академию художественных наук разогнали, у Ярхо почти не осталось возможностей для реализации своих исследовательских и педагогических планов, для публикации готовых или задуманных работ. В каких условиях оказался ученый, станет ясно, если учесть, что и в самые «комфортные» годы ему удавалось печататься главным образом в изданиях ГАХН — в журнале «Искусство» и в сборниках «Ars Poetica»**. Ярхо мечтал о создании Института точного литературоведения, которому мог бы дать работу «на сто лет» [21, с.73], [22, с.285], —

а был вынужден всего лишь учить студентов немецкому языку. В 1926—1930 гг. Ярхо преподавал на Высших курсах иностранных языков, в 1929—1930 гг. — на Высших курсах новых языков при 2-м МГУ. В 1927—1929 гг. он профессор и заведующий кафедрой теории стиха на Высших государственных литературных курсах; в 1930-1933 гг. — нештатный, а затем штатный профессор немецкого и переводческого отделений в Московском институте новых языков (1 сентября 1933 г. уволен в связи с реорганизацией).

Еще одна сфера приложения творческих талантов Ярхо — это художественный перевод (в 1933-1935 гг. — единственный источник дохода). Среди переводов Ярхо — «Сага о Волсунгах», «Песнь о Роланде», «Песнь о моем Сиде», антология «Поэзия 1-го Возрождения», сборник «Сто новых новелл», комедии Мольера, поэма Гёте «Рейнекелис» и его элегия «Герман и Доротея», «Дон Карлос» Шиллера, «Мюнхгаузен» Иммермана и др. [23, с.73—76, 343—474], [24], [25], [26], [27, т.І, с.385—428; т.ІІ, с.213—270, 587—636]; [12, с.3—7, 19—23, 30—39, 41—44, 114, 291—293, 350—353, 361—390], [28, с.5—279], [29, с.275—279], [2], [30, с.38—54].

Блистательный филолог, выдающийся переводчик, Ярхо писал также оригинальные художественные произведения: стихи, прозу, пьесы. Эти разные стороны деятельности не существовали у него отдельно друг от друга, но пересекались и накладывались, образуя неразрывное единство. Переводы требовали глубоких познаний в области истории литературы и исторической поэтики, а оригинальные произведения обнаруживали у Ярхо в первую очередь незаурядный талант стилизатора, нередко бравшего из «всеобщей литературы» темы, сюжеты, стиль, но создававшего на этой основе нечто совершенно индивидуальное и органическое.

** Характерно, что за рубежом в это время у Ярхо вышло ненамного меньше статей (шесть), нежели на родине (девять).

Такова, скажем, его драма «Расколотые», написанная перед самой смертью, — в ней варьируются мотивы и формы латинской и провансальской средневековой словесности [31], [32].

Представление о широте и взаимосвязи интересов Ярхо — ученого, поэта и переводчика — дает цикл «Poetae — poetae» (1925)*. Это собрание пародий панегириков, адресованных М.А. Волошину по случаю 30-летия со дня его первого выступления в печати (1895). Десять московских поэтов и литераторов поздравили своего коктебельского собрата от лица пятидесяти «классиков» мировой литературы — начиная с Пентаура, переписчика знаменитой древнеегипетской поэмы, излагающей историю царствования Рамсеса II, и кончая посланием Волошину от лица самого Волошина. Показательно, что из 50 пародий Ярхо написал 10 — больше, чем кто бы то ни было другой. Свои поздравления он сочинил в стилистике древнеиндийской (пять шлок «Гуру-Максимилиану от Калидасы»), древнегреческой (четыре сафических строфы от имени Сафо), древнеисландской (от Эгиля Скаллаgrimссона, самого знаменитого из скальдов; аллитерационным тоническим стихом с чередованием длинных и коротких строк). Далее следовали подражания провансальским трубадурам (однорифменные терцеты Гильена IX Аквитанского) и немецким миннезингерам (полиметрическая композиция «Долг Тангейзера», состоящая из сдвоенных 4-стопных ямбов парной рифмовки и 4- и 3-стопных хореев, рифмующихся перекрестно). Кроме того, Волошина приветствовали Ганс Сакс («Благочестивый шпрух о мастере Максимилиане, старшине препохвального цеха стоделателей и гражданине этого доброго города»), Шекспир (разумеется, белым 5-стопным бесцезурным ямбом) и Вук Караджич («Бугарштица: Брату Соколу Волошину от Вука Караджича»; силлабическим стихом с правильным чередованием 7-, 8- и 6-сложных отрезков). Отечественная словесность под пером Ярхо оказалась представленной церковнославянской силлабикой Симеона Полоцкого и сдвоенными пятисложниками Спиридона Дрожжина («От группы поэтов-народников благородному деятелю на поприще отечественной словесности Максимилиану Александровичу Кириенко-Волошину» — «За всю артель расписался Спиридон Дрожжин»).

В марте 1935 г. Ярхо арестовали (по делу о Большом немецко-русском словаре). 10 ноября особым совещанием НКВД СССР он был осужден по статье 58-10 УК и приговорен к ссылке на три года, которую отбывал в Омске.

* Опубликовано частично [33, с.239—254]. Один из машинописных экземпляров цикла, содержащий только 39 текстов из 50, сохранился в архиве Ярхо (см.: РГАЛИ. Ф.2186. Оп.1. Ед.хр.170); полный вариант есть в Доме-музее М.А. Волошина в Коктебеле.

Освобожден 26 марта 1938 г. по истечении срока наказания. Возвратившись из ссылки, Ярхо был вынужден поселиться в г. Александрове. В 1938—1939 гг. ученый оставался практически без работы. Лишь в самом конце декабря 1939 г., после повторного обращения в Наркомпрос, ему предложили место в только что созданном Курском пединституте; с 7 февраля 1940 г. Ярхо исполнял обязанности профессора по кафедре всеобщей литературы. Опираясь на отзывы Н.К. Гудзия, В.М. Жирмунского, Ю.М. Соколова и В.Ф. Шишмарева, 22 сентября 1940 г. кафедра ходатайствовала о присвоении Ярхо ученой степени доктора филологических наук. 20 июня 1941 г., перед самым началом войны, решением Ученого совета Ленинградского государственного университета Ярхо был удостоен докторской степени *honoris causa* (за «Рифмованную прозу драм Хротсвиты» и «Методологию точного литературоведения»). Однако это решение ВАК не успел утвердить.

В октябре 1941 г. вместе с Курским пединститутом Ярхо эвакуировался в Сарапул. 15 ноября институт закрыли. В комнате площадью шесть квадратных метров ученый пережил зиму, не имея почти никакой теплой одежды. Но даже эта «конура» была лучше тех условий, в которых оказались его родные. Тем не менее, Ярхо очень надеялся переехать к матери и брату в Самарканд: «<...> я смертельно страдаю от одиночества, заброшенности, дикого, грубого окружения. Мне нужно (после семилетних скитаний) немного тепла, немного внимания ко мне. Вот единственное, о чем я прошу. Если меня в Самарканде ждет такой же прием, какой я встретил, вернувшись из Сибири, то это будет для меня <...> разочарованием, которое повергнет меня в окончательное отчаяние»*. Ярхо страдал от развивающегося милиарного туберкулеза. Состояние его здоровья стремительно ухудшалось, и он решил отложить отъезд до весны: «У меня такая болезнь, что я теряю в день больше жидкости, чем принимаю; проще сказать, я весь высох, как Кумская Сивилла»**. Несмотря на тяжелую болезнь, Ярхо сохранял поразительную ясность ума и работоспособность: «Мне кажется, что я могу написать бесконечно много... Обидно погибать в самом расцвете умственной потенции... Но выхода не вижу»***.

Он умер 3 мая 1942 г. Единственный некролог появился в сарапульской газете «Красное Прикамье»****.

* * *

* Там же. Ед.хр.174. Л.39 об. — 40 (из письма к брату от 25 января 1942 г.).

** Там же. Л.42 (из письма от 7 февраля 1942 г.).

*** Там же. Л.38 об. (из письма от 10 января 1942 г.).

**** См.: Красное Прикамье. 1942. 13 мая. Без подписи (автор — Э.И.Соломоник).

Ярхо оставил обширное научное наследие. Часть его увидела свет, но объем неопубликованных рукописей все еще превышает 110 авторских листов. Самый значительный труд, который по-прежнему ждет читателя, — это фундаментальная «Методология точного литературоведения», ставшая своего рода научным завещанием Ярхо (из нее пока изданы лишь фрагменты: [34], [35], [36], [21], [37]). Книга подвела итог 25-летним поискам исследователя в области литературоведческой методологии и методологии. Первый вариант монографии, начатой в тюрьме 17 августа 1935 г., был готов уже через полтора месяца, 7 октября (Ярхо еще находился под следствием). Дата окончания белой рукописи — 16 марта 1936 г. (в это время ученый отбывал омскую ссылку). Но работа над «Методологией» не закончилась: дополнения и уточнения, которые Ярхо продолжал вносить в книгу до конца жизни, составили целую брошюру машинописного текста.

В «Методологии точного литературоведения» ученый предстает реформатором традиционных методов филологической науки. Его разбор широко распространенных методологических заблуждений не потерял актуальности по сей день. Взамен интуитивно-дедуктивным теориям или импрессионистическому описанию Ярхо предложил последовательно индуктивный подход, базирующийся на филологически грамотном анализе структуры текста. В монографии показано, как, применяя статистику, можно решать огромное число разнообразных проблем, имеющих отношение к стилистике произведения, к его тематике и композиции, к комплексу заключенных в нем идей и эмоций, а также к жанру произведения. В равной степени поддаются адекватному переводу на язык цифр вопросы литературного генезиса, эволюции и типологии, в частности проблема литературных направлений (ср. [4]).

Приемы и методы литературоведческой работы излагаются в той последовательности, в какой, по мнению Ярхо, должно вестись всякое нормальное исследование: от анализа (то есть от выделения существенных признаков данного «литературного комплекса») к синтезу (то есть к статистическим операциям над сводными цифровыми показателями) и далее к выводам о закономерностях в развитии и функционировании изучаемого явления. Богатство экземплификационного материала (вобравшего в себя, в том числе, и стихотворения Пушкина, и русскую частушку, и европейский героический эпос, и западноевропейскую драму); широчайшая эрудиция ученого, апеллирующего к достижениям биологии, экономики, логики и методологии науки; ясный язык, не лишенный юмора, — вот наиболее привлекательные черты монографии Ярхо. Благодаря им «Методологию точного литературоведения» можно рассматривать не просто как шедевр отечественной филологической классики, но и как труд, способный существенно обогатить современную науку.

«Методология точного литературоведения» — это, прежде всего, детальная программа изучения литературной формы в синхронии и диахронии. Ярхо прекрасно понимал, что путь к содержанию лежит через его словесное выражение — именно поэтому Ярхо считался «формалистом» и сам не оспаривал этого взгляда*. Но от всех остальных русских «формалистов» — как петербургских, так и московских — Ярхо отличало безудержное стремление к математизации филологической науки, которой, по его мнению, предстояло достигнуть точности, доступной наукам естественным. Ярхо был, пожалуй, единственным ученым, штудировавшим литературу математическую и биологическую с той же тщательностью, что и филологическую (об этом свидетельствуют сохранившиеся в его архиве конспекты). Он настаивал на тотальной квантификации филологического знания: любой вопрос синхронической или диахронической поэтики как древних, так и новых литератур, к какому бы уровню художественной формы он ни относился — к фонике, стилистике или тематике, — Ярхо брался разрешить с помощью теоретико-вероятностного аппарата. Только данные, полученные путем объективного статистического исследования, подлежали собственно литературоведческому толкованию.

Блестящие образцы такой герменевтики можно найти во многих работах ученого, например в недавно опубликованных «Комедиях и трагедиях Корнеля» [38]. Представление о том, что границы между этими жанрами в классицизме были непроницаемы, основано на эстетических трактатах того времени, в которых каждому жанру предписывались особые правила построения и игры — так, чтобы «серьезное» и «шутливое» не смешивались одно с другим. Но Ярхо заметил, что эти предписания нередко нарушаются даже у самых ортодоксальных драматургов. Отсюда вопрос, завязавший интригу исследования: в каких пределах писатель может варьировать канон, оставаясь в рамках избранного жанра? Чтобы ответить, Ярхо разложил структуру корнелевских пьес на элементарные формальные признаки, а затем подсчитал и «взвесил» долю каждого в комедиях и трагедиях. Больше всего исследователь обращал внимание на зависимость между признаками разных уровней, допустим на соотношение между длиной реплик и их связностью, между социальным положением героя и величиной его роли, между эмоциями персонажей и поступками — и так далее в том же духе.

В ходе работы обнаружилось 15 признаков, по которым комедии Корнеля отличаются от трагедий.

* В письме к В.М. Жирмунскому от 8 ноября 1919 г. Ярхо называет себя «сторонником “формального метода” и “формалистом”» (РГАЛИ. Ф.2186. Оп.1. Ед.хр.171а. Л.1).

Одни жанровые признаки (для трагедии это высокое социальное положение персонажей, государственный интерес, смертельная опасность) Ярхо называл «первичными», так как их распределение осознавалось и контролировалось автором; другие признаки попадали в число «вторичных», поскольку были связаны с подсознательным ощущением жанра (это степень активности персонажей, действия за сценой, живость диалога и др.). Оказалось, что изменение какого-либо первичного признака влечет за собой изменение вторичных — происходит трансформация жанра из комедии в трагедию или наоборот. Ярхо определил также, насколько та или иная пьеса типична с точки зрения жанра: степень «комедийности» и «трагедийности» ему удалось выразить математической величиной (благодаря этому ученый убедительно продемонстрировал «трагикомическую» природу «Сида»).

В «сверхидее» почти математической точности заключались и сила Ярхо, и его слабость. Настойчивые попытки «поженить» гуманитарные науки с точными и естественными отчуждали от него очень многих. Характерный эпизод передал в своих устных воспоминаниях Б.В. Горнунг*. В 1939—1942 гг. Ярхо предпринял большое исследование по поэтике «Слова о полку Игореве» на фоне западноевропейского средневекового эпоса (эту работу он в основном завершил, но не успел изложить результаты в связном виде). Началась война, немцы уже подходили к Смоленску, и ученый предложил доклад, посвященный патриотизму в «Слове о полку Игореве». В ИМЛИ Ярхо поддержали, и доклад состоялся. Но оказалось, что профессор из Курска понимает проблему своеобразно: изучение патриотизма он свел к выяснению того, какой объем занимает в «Слове» «патриотическая» лексика и фразеология. При этом считать по словам неправильно — они бывают длинными и короткими, а основной единицей счета в ритмически организованном тексте должен служить слог. И вот, согласно статистическим данным, вышло, что самым «патриотичным» произведением из всех, изученных под этим углом зрения, является именно «Слово», тогда как ни один из западных памятников даже близко не подходит к нему в этом отношении: если в «Слове о полку Игореве» патриотические образы покрывают 4% слогов, то в «Песни о Роланде» — 1,2%, в «Беовульфе» — только 0,8%, а в «Песни о Сиде» они вообще отсутствуют**.

* См.: Институт русского языка РАН. Лаборатория экспериментальной фонетики. А-790 (запись второй половины 1960-х годов).

** См.: РГАЛИ. Ф.2186. Оп.1. Ед.хр.49. Л.10. Интересно, что, как бы по иронии судьбы, самым «патриотичным» оказалось русское «Слово», следом идут союзники — французы и англичане, патриотизм испанцев равен нулю, а немецкие «Нибелунги» даже не приняты в расчет. Ср.: «По качеству преобладающей эмоции (эмоциональной доминанте):

“Слово” — песнь храбрости;

“Роланд” — песнь борьбы за веру;

“Сид” — песнь корысти и стяжания;

“Беовульф” — песнь вражды и мести». (Там же. Л.11об.).

Во время бурного обсуждения докладчик оказался в одиночестве: все оппоненты были готовы пожертвовать патриотичностью «Слова» во имя сохранения методологической невинности. По словам Горнунга, «вышел конфуз», который мог для Ярхо «нехорошо кончиться».

К сожалению, полномасштабный эксперимент по превращению литературоведения в точную науку так и не был поставлен. Почему? Весной 1928 г. Б.А. Грифцов говорил: «Б.И. Ярхо настаивает на необходимости исчерпывающего статистического учета всех особенностей, встречающихся у всех писателей данной эпохи — задача невыполнимая, требующая слишком большого числа исследователей и слишком большой затраты энергии»*. Сейчас, когда так низко упал общественный интерес и к самой литературе, и к науке о ней, эти соображения могут кому-то показаться убедительными. Но не будем забывать о том, что представляли собой тысячи советских литературоведов. За немногими исключениями, это была армия дармоедов, чья деятельность для науки и культуры в лучшем случае бесполезна. Поэтому оправдывать негативное отношение к «точному литературоведению» можно только природой человека. Ярхо это формулировал так: «<...> не любят люди работать»**. Сам он работать любил и науке был предан до фанатизма, а потому предупреждения скептиков не в силах были его остановить. Один или вместе с учениками Ярхо сделал гораздо больше, чем позволяют рамки обычной человеческой жизни, тем более столь недолгой и полной невзгод. Осуществленного им достаточно, чтобы дать нам почувствовать всю привлекательность и перспективность его идей, — мало это лишь по сравнению с тем, что Ярхо мог бы совершить и чего не успел.

Долг наш — продолжить начатое. В предисловии к «Методологии точного литературоведения» автор, сидя в тюрьме, писал: «Не стану скрывать, в тайниках души мне мерещится участь Менделя: через 10—20 лет выкопают, откроют и т.д. ... Самая наивность этого миража <...> действует на меня освежающе, на минуту рассеивает гнилостный запах моего трупа, который бьет мне в ноздри» [21, с.72]. Отчасти эти надежды сбылись: через 30 лет М.Л. Гаспаров действительно «выкопал» в архиве труды Ярхо и «открыл» коллегам значение его научного наследия [39], [40, с.468—484].

Но и сегодня, через шесть десятилетий после кончины выдающегося филолога, можно пересчитать по пальцам всех его приверженцев и последователей — и это несмотря на огромный потенциал его мысли, обещающий вернуть литературоведению авторитет и утраченное интеллектуальное здоровье.

* См.: РГАЛИ. Ф.941. Оп.6. Ед.хр.64. Л.51—51об.

** Там же. Ф.2186. Оп.1. Ед.хр.41. Л.149.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Ярхо Б. И. Предисловие // *Петроний Арбитр. Сатирикон* / Пер. под ред. Б. И. Ярхо. М.; Л., 1924. С. 12—28.
- 2 *Песнь о Сиде: Староиспанский героический эпос* / Изд. подгот. А. А. Смирнов. М., 1959.
- 3 Ярхо Б. И. Рифмованная проза русских интермедий и интерлюдий / [Подгот. текста и публ. М. Л. Гаспарова] // *Теория стиха*. Л., 1968. С. 229—279.
- 4 Ярхо Б. И. Распределение речи в пятиактной трагедии (К вопросу о классицизме и романтизме) / Подгот. текста, публ. и примеч. М. В. Акимовой; Предисл. М. И. Шапура // *Philologica*. 1997. Т. 4. №8/10. С. 201—284.
- 5 Штокмар М. П. Отзыв на работы проф. Б. И. Ярхо «Распределение речи в 5актной трагедии» и «Рифмованная проза русских интермедий и интерлюдий» // *Philologica*. 1998. Т. 4. №8/10. С. 284—287.
- 6 Ярхо Б. И. Эпические элементы, приуроченные к имени «Михаила Потыка» // *Этногр. обозрение*. 1910. Кн. LXXXVI/LXXXVII. №3/4. С. 49—79.
- 7 Ярхо Б. И. Царлун Риеу, поэт-крестьянин (*Charlouin Rieu*) // *Беседы: Сб. Об-ва истории лит. в Москве*. М., 1915. [Сб.] I. С. 180—206.
- 8 Ярхо Б. И. Сказание о Сигурде Фафнисбани и его отражение в русском эпосе (Опыт по динамике цикла Сигурда) // *Рус. филол. вестн.* 1913. Т. LXIX. №2. С. 442—466; Т. LXX. №4. С. 385—440; 1914. Т. LXXI. №1. С. 196—234; Т. LXXII. №3/4. С. 331—379; 1915. Т. LXXIII. №1. С. 105—115.
- 9 Ярхо Б. И. Мансанг (Любовная лирика скальдов) // *Сборники «Московского Мер курия» по истории литературы и искусства*. М., 1917. Вып. 1. С. 87—148.
- 10 Ярхо Б. И. Юный Роланд (*Hruodlandus, comes limitis Britannici*). Л., 1926.
- 11 Jarcho B. I. *Uber die Reimsequenzen des 10. Jahrhunderts* // *Ztschr. fur roman. Philologie*. 1928. Bd. XLVIII. H. 5/6. S. 658—678.
- 12 *Хрестоматия по западноевропейской литературе: Литература средних веков (IX—XV вв.)* / Сост. Р. О. Шор. М., 1936.
- 13 *Хрестоматия по зарубежной литературе: Литература средних веков* / Сост. Б. И. Пуришев, Р. О. Шор. М., 1953.
- 14 *Памятники средневековой латинской литературы IV—IX веков*. М., 1970.
- 15 Б. И. Ярхо и исследование жанра видений / Вступ. заметка, публ. и примеч. А. Б. Грибанова // *Восток — Запад: Исследования; Переводы; Публикации*. М., 1989. Вып. IV. С. 18—55.
- 16 Ильина И. Н. *Общественные организации в России в 1920е годы*. М., 2000.
- 17 Jarcho B. I. *Zu Hrotsvithas Wirkungskreis* // *Speculum*. 1927. V. II. №3. P. 343—344.
- 18 Jarcho B. I. *Die Vorlauffer der Goliath* // *Speculum*. 1928. V. III. №4. P. 523—579.
- 19 Ярхо Б. И. Границы научного литературоведения // *Искусство*. 1925. №2. С. 45—60; 1927. Кн. 1. С. 16—38.
- 20 Ярхо Б. И. Простейшие основания формального анализа // *Ars Poetica*. М., 1927. [Вып.] I. С. 7—28.

- 21 Ярхо Б. И. *Методология точного литературоведения: (Набросок плана). <Предисловие> // Quinquagenario Alexandri P'u ini oblata. М., 1990. С. 71—74.*
- 22 Шапир М. И. Б. И. Ярхо: штрихи к портрету // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1990. Т. 49. №3. С. 279—285.*
- 23 Гёте. *Собрание сочинений: В 13 т. М.; Л., 1932. Т. II: Юношеские пьесы и эпические поэмы / Вступ. ст., ред. и примеч. А. Г. Габричевского.*
- 24 Иммерман К. Мюнхгаузен: *История в арабесках / Пер. и примеч. Г. И. и Б. И. Ярхо; Предисл. П. С. Когана. М.; Л., 1931.*
- 25 *Песнь о Роланде: По Оксфорд. тексту / Пер. со старофр., вступ. ст. и примеч. Б. И. Ярхо. М.; Л., 1934.*
- 26 *Сага о Волсунгах / Пер., предисл. и примеч. Б. И. Ярхо. М.; Л., 1934.*
- 27 Мольер. *Собрание сочинений: В 4 т. М.; Л., 1935. Т. I; 1937. Т. II.*
- 28 Шиллер И. Х. Ф. *Собрание сочинений: В 8 т. М.; Л., 1937. Т. III: Драммы: «Дон Карлос», «Мария Стюарт».*
- 29 *Хрестоматия по западноевропейской литературе: Эпоха Возрождения / Сост. Б. И. Пуришев. М., 1938.*
- 30 *Новые забавы и веселые разговоры: Французская новелла эпохи Возрождения / Сост., вступ. ст. и коммент. А. Михайлова. М., 1990.*
- 31 Люнель Б. де [Ярхо Б. И.] *Расколотые: Действо о розе // Новое лит. обозрение. 1996. №18. С. 9—68.*
- 32 Гаспаров М. Л. *Предисловие к публикации // Новое лит. обозрение. 1996. №18. С. 5—8.*
- 33 *Русская литература XX века в зеркале пародии / Сост., вступ. ст., ст. к разд., послесл., коммент. О. Б. Кушлиной. М., 1993.*
- 34 Ярхо Б. И. *Методология точного литературоведения: (Набросок плана): <Отрывки> / Подгот. текста и публ. М. Л. Гаспарова // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1969. Вып. 236. С. 515—526.*
- 35 Ярхо Б. И. *Нахождение доминанты в тексте // Хрестоматия по теоретическому литературоведению / Изд. подгот. И. Чернов. Тарту, 1976. [Вып.] I. С. 64—65.*
- 36 Ярхо Б. И. *Методология точного литературоведения: (Набросок плана) / Вступ. ст. и подгот. текста М. Л. Гаспарова // Контекст1983: Лит. теорет. исслед. М., 1984. С. 197—236.*
- 37 Ярхо Б. И. *Из «Методологии точного литературоведения»: Литературное целое (индивидуум) / Вступ. заметка, подгот. текста, публ. и примеч. М. В. Акимовой // Антропология культуры. М., 2002. Вып. 1. С. 68—84.*
- 38 Ярхо Б. И. *Комедии и трагедии Корнеля (Этюд по теории жанра) / Подгот. текста, публ. и примеч. М. В. Акимовой // Philologica. 1999/2000. Т. 6. №14/16. С. 284—287.*
- 39 Гаспаров М. Л. *Работы Б. И. Ярхо по теории литературы // Учен. зап. Тарт. гос. Ун-та. 1969. Вып. 236. С. 504—514.*
- 40 Гаспаров М. Л. *Избранные труды. М., 1997. Т. II: О стихах.*